

18+

Luke Frasko

Ненависть не исцеляет

Luke Frasko

Ненависть не исцеляет

<https://litres.ru/74283732>

ISBN 9785007057073

Аннотация

Мир — плоский диск, удерживаемый силой двух Равных — Света и Тьмы. Каждые сто лет рождаются двое, чтобы поддержать барьер. Акира и Кураи — братья-близнецы. Один вырос в тепле, другой — в ненависти. Им говорят: вы должны убить друг друга, иначе мир рухнет. Но что, если они выберут иначе?

«Равные» — история о выборе, братстве и цене, которую платят те, кто отказывается быть врагами.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	15
ГЛАВА 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ненависть не исцеляет

Luke Frasko

© Luke Frasko, 2026

ISBN 978-5-0070-5707-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Мир не круглый. Он плоский, как стол. По краям — Грань. За ней — Пустота. Не темнота, не отсутствие света. Пустота — это место, где перестают работать законы. Камень там не падает — он рассыпается в ничто. Вода не течёт, а испаряется, даже не нагревшись. Воздух становится плотным, как глина, а потом просто исчезает.

Люди называют это Сжатием.

Раньше — давно, так давно, что никто не помнит — люди жили по всему диску. Строили города, протягивали дороги, торговали, любили, воевали. Потом пришла Пустота. Или она всегда была там, за Гранью, просто ждала своего часа. Никто не знает. Знают только, что мир сжимается.

Каждые пятьдесят, а иногда — сто лет — рождаются Равные. Двое. Один несёт Свет. Другой — Тьму.

Люди говорят, что Свет держит барьер. Что он отталкивает Пустоту. Что пока есть Свет — мир не рухнет. Никто не говорит о Тьме. Как будто её не существует. Как будто она просто ошибка природы. Проклятие.

В храме Ордена Цепи горит Вечный Свет. Жрецы молятся, чтобы он не угас. Они говорят, что это — душа мира. Что если он погаснет — Пустота пожрёт всё. Они не говорят, что Вечный Свет — это не магия. Это кровь. Кровь Равных, которых приносят в жертву. Но об этом знают только старей-

шины. И Мороз.

Мороз. Его имя произносят шёпотом. Он не старейшина. Он — главнокомандующий, правая рука Ордена. Никто не знает, сколько ему лет. Говорят, он служит уже три века. Говорят, он был там, когда строилась Цитадель. Говорят, он убил первого Равного Своими руками. Он не носит оружия. Ему оно не нужно.

Он ждёт. Всегда ждёт. Следующего Равного. Следующую жертву. Следующую войну.

Часть первая. Тридцать пять лет назад

Куро работал добытчиком в Сломанных землях.

Это была работа для отчаявшихся. Платили мало, смерти — много. Но Куро умел чувствовать Пустоту. Не так, как Равные — он не чувствовал её, как живую. Он чувствовал её, как старую рану. Знаешь, как бывает: человек живёт с давней травмой, и перед дождём у него начинает ныть кость. Так и Куро — перед тем, как земля под ногами становилась нестабильной, у него начинала болеть голова. Лёгкая, тупая боль в висках. Он знал: там, куда он собирается идти, твёрдой земли больше нет. Или скоро не будет.

Этот дар спас ему жизнь больше раз, чем он мог сосчитать. И однажды он спас её другим.

В тот день его группа из шести человек вышла за внешнее кольцо на четыре дня. Они искали артефакты — старые, ещё с тех времён, когда мир был целым. Каждый найденный артефакт можно было продать Ордену или контрабандистам.

Орден платил мало, но легально. Контрабандисты — много, но рискованно. Куро обычно работал на контрабандистов. Ему нужны были деньги. Не для себя.

Для Хикари.

Он встретил её за три года до этого. Она шла с караваном целителей — маленькой группой людей, которые пытались лечить тех, кому Орден отказывал в помощи. В Сломанных землях целителей не любили. Они напоминали людям, что боль — не наказание. Что её можно облегчить. Ордену это не нравилось: страх перед болезнью был отличным способом управлять людьми.

Куро тогда был ранен. Сломал плечо, когда его группа напала на Пучину — место, где земля почти растворилась в Пустоте. Он вытащил на себе четвёртого. Трое исчезли. Он выжил.

Она увидела его — грязного, окровавленного, с выбитым плечом, сидящего на обломке стены. Он смотрел на свои руки. На них была кровь. Не его.

— Ты жив? — спросила она.

Он поднял голову. Она стояла перед ним — невысокая, с рыжими волосами и зелёными глазами. На ней был серый плащ целителя, но он был старым, штопаным. Она не была богатой. Она просто была здесь.

— Не похоже, — ответил он.

Она не отвела взгляд. Многие отводили. Он был грязным, страшным, с запахом смерти. А она смотрела прямо на него.

Как на человека.

— Дай посмотрю, — сказала она, опускаясь на колени рядом с ним.

Её руки были тёплыми. Он не чувствовал тепла уже много дней.

Она не спрашивала, сколько людей он видел рассыпавшимся в прах. Не спрашивала, как он выжил. Она просто лечила его раны и молчала. Иногда он хотел, чтобы она заговорила. Иногда — чтобы она молчала вечно.

Они встречались тайно два года. В Сломанных землях — редко. В Цитадели — чаще. Она снимала комнату в Нижней чаше, где никто не задавал вопросов. Он приходил по ночам, через чёрный ход, мимо пьяных контрабандистов и крыс размером с кошку.

— Ты мог бы уйти, — однажды сказала она.

Он лежал на её узкой кровати, смотрел в потолок с трещинами.

— И чем я буду кормить тебя?

— Мне не нужно, чтобы ты меня кормил, — она села рядом, её рука легла на его плечо. — Мне нужно, чтобы ты был рядом. Ты не всегда должен быть на передовой. Ты уже дал им всё.

— Я дал им не всё, — он повернул голову, встретился с ней взглядом. — У меня есть ты. Это моё.

Она не нашла слов. Просто наклонилась и поцеловала его.

Он думал, что это — самое тёплое, что было в его жизни.

Он ошибался.

Когда Хикари узнала, что беременна, она не сказала ему сразу. Она плакала две ночи. Не от страха — от того, что счастье оказалось таким хрупким. Носители Света и Тьмы не могут иметь детей. Если зародыш выживает — с ним будет что-то не так. Или с ними.

Она знала это. Знал и Куро. Он просто молчал, когда она сказала ему.

— Ты слышал, что я сказала?

— Я слышал.

— Я боюсь.

— Я тоже, — он взял её руки. Они дрожали.

— Ты уйдёшь? — спросила она. — Если родится... тот, кого не должно быть...

— Я не уйду, — он посмотрел ей в глаза. — Никуда. Я всегда буду здесь.

Ей хотелось верить. Она верила. Потому что он был единственным человеком, который не уходил.

Беременность была тяжёлой. Хикари не могла работать, и Куро брал всё больше заказов. Каждый раз, уходя за внешнее кольцо, он сжимал амулет, который она подарила ему, и шептал: «Вернись. Вернись».

Он возвращался. Каждый раз — всё грязнее, всё более уставший, но живой.

На седьмом месяце Хикари сказала ему:

— Их двое. Я чувствую.

Куро замер. Он стоял в дверном проёме, снимая грязную куртку. Рука застыла.

— Это невозможно.

— Я знаю.

— Если Орден узнает...

— Я знаю.

Он подошёл, обнял её. Его руки были грубыми, искалеченными работой в Сломанных землях. Она не боялась их.

— Мы убежим.

— За Грань? Без стабилизаторов мы рассыпемся. И дети — тоже.

— Тогда я украду амулеты, — сказал он. — Два. Для детей.

— Ты с ума сошёл.

— Я не дам им забрать моих детей. Никого.

Она заплакала. Впервые за всё время. Не потому что боялась, а потому что поняла: он готов умереть за них. И за неё.

Они готовились в тайне. Куро украл два стабилизатора из хранилища Ордена — старых, почти разряженных, но ещё рабочих. Хикари нашла повитуху, которая умела молчать. Женщина по имени Мара — старая, с седыми волосами и руками, которые всё ещё помнили, как принимать роды. Она жила в Нижней чаше, в комнате без окон, и работала за еду.

— Двойня, — сказала она, когда Хикари пришла к ней. — Я чувствую. Оба живые.

— Я знаю.

— Ты не боишься?

— Я боюсь, — ответила Хикари. — Но я не могу бояться всю жизнь.

Роды были тяжёлыми. Мара работала три часа, пока Хикари кричала так, что стены дрожали. Куро стоял у двери, сжимая нож. Он знал: если кто-то придёт — он умрёт, но не пропустит.

Первый ребёнок родился светящимся. Кожа его была бледной, почти белой, а волосы — светлыми, как лён. Когда он открыл глаза, в них горел золотой свет. Мара ахнула.

— Равный. Свет.

— Заткнись, — сказал Куро. — Помогай дальше.

Второй родился через десять минут. Он не закричал. Он просто лежал, глядя перед собой пустым взглядом. Воздух вокруг его рук искажался — серый, зыбкий, как марево над пустыней. Свет в комнате померк на мгновение. Мара отшатнулась.

— Оба. Оба — Равные. Свет и Тьма.

Куро схватил её за плечи.

— Никому не скажешь.

— Я... я не скажу.

Она уехала той же ночью. Повитуха не стала ждать. Она знала, что такое Равные. И знала, что за них платят. Орден давал награду за любого, кто сообщит о рождении Равного. Мара за деньги идёт, за молчание — нет. Она ушла. И победжала. Прямо в Орден.

Через три дня дверь выбили.

Куро спал у кровати, где лежала Хикари с двумя детьми. Он вскочил с ножом в руке, когда в комнату ворвались солдаты. Пять человек в чёрной броне, с символами Вечного Света на груди. Их лица были закрыты шлемами — безликие.

— Дети изымаются во имя Цитадели, — сказал командир.
— По приказу Совета Старейшин.

— Троньте их — умрёте, — прохрипел Куро.

Командир не торопился. Он вытащил артефактный жезл — длинный, чёрный, с голубым свечением на конце. Куро знал, что это такое. Ударная волна, которая ломает кости и выбивает дух.

— Равные не могут расти вместе, — сказал командир. — Если они будут рядом, их силы столкнутся ещё в детстве. Барьер рухнет. Пустота пожрёт город.

— Мне насрать на ваш барьер.

— А на них? Если барьер падёт — они умрут первыми.

Хикари замерла. Она прижимала обоих детей к груди и не понимала, что делать. Командир не лгал. Равные рядом — смерть для всех, включая их самих.

— Что вы предлагаете? — спросила она.

— Ты и светлый остаётесь в Верхней Цитадели. Второго забираем мы.

— Чтобы сделать из него врага? Чтобы они ненавидели друг друга?

Командир молчал. Он не подтверждал. Он не отрицал.

— Это единственный способ, — сказал он наконец. — Любовь между Равными убьёт всех. Ненависть — хотя бы продлит существование.

Куро шагнул вперёд. Его лицо было перекошено яростью.

— Я пойду с ним. Я не отдам его вам одного.

— Хорошо, — сказал командир. — Но если попытаешься сбежать — убьём всех троих.

Куро посмотрел на Хикари. Она плакала молча. В её руках — два ребёнка. Они не знали, что их разлучают навсегда.

— Я найду способ вернуть его, — прошептал он.

— Не надо клясться, — ответила она. — Просто сделай, чтобы он выжил.

Она протянула ему Кураи. Маленького, тихого, с пустыми глазами, в которых уже зарождалась Тьма. Куро взял его на руки. Ребёнок не заплакал. Он посмотрел на отца и затих.

Хикари увезли в Верхний ярус. Ей дали комнату с видом на храм — высокий, белый, с золотыми куполами. Она держала на руках Акиру. Он светился. Смотрел на неё ясными золотыми глазами и улыбался. Она знала, что где-то внизу, в каменных мешках, её второй сын учится ненавидеть.

Каждую ночь она шептала в темноту:

— Кураи. Я верю, что мы встретимся. Прости меня. Прости, что не уберегла.

Она не знала, что он ещё не умеет говорить, но уже умеет слушать. И где-то там, в глубине, он слышал её голос —

сквозь камни, сквозь плесень, сквозь время.

Куро и Курай спустились в Нижнюю чашу. Им выделили комнату без окон — сырая, с плесенью на стенах. Запах гнили. Куро положил сына на подстилку.

— Ты будешь жить здесь, — сказал он. — Ты будешь жить ненавистью. Потому что ненависть — единственное, что Пустота не может пожрать.

Курай заплакал. Впервые и последний раз.

Куро сжал кулаки.

— Я обещаю тебе, сын: я вытащу тебя отсюда. Или умру, пытаясь.

Он не знал, что это обещание он сдержит только через девятнадцать лет. И не так, как хотел.

ГЛАВА 1

Акира проснулся от того, что кто-то дышал ему в лицо.

Он открыл глаза. Над ним нависала физиономия Рена — лохматая, с красными от недосыпа глазами и утренней щетиной, которая у него росла странными островками.

— Ты дышишь, — сказал Рен. — Я проверял.

— Чего?

— Ты храпел так, что я думал, ты помер. Пришёл проверить.

Акира сел. Комната была маленькой — кровать, стол, шкаф, окно с видом на храм. Узкая, почти каменная, но чистая. Хикари каждое утро мыла полы, даже когда не было грязи.

— Который час?

— Утра. Всё утро. Час, когда нормальные люди ещё спят, но вставать уже надо.

Акира потёр глаза. В голове гудело — он плохо спал. Опять снился тот же сон: он стоит перед решёткой, смотрит в темноту, а оттуда на него смотрит чужой глаз. Тёмный. Пустой. Не злой — просто пустой. Акира просыпался с чувством, что он кого-то потерял, но не знал кого.

Рен стоял у двери, прислонившись плечом к косяку.

— Ты сегодня на тренировку?

— Ага.

— Хикари сказала, чтобы ты зашёл к ней, когда проснёшься. У неё какой-то разговор.

— Какой?

— Я не подслушивал. Почти.

Акира вздохнул и встал.

Хикари стояла у окна в своей комнате, смотрела на храм. Утро было серым — обычное утро в Верхнем ярусе. Солнце здесь бывало редко, но оно всё же пробивалось сквозь пыльную дымку, и сейчас оно подсвечивало её волосы — рыжие, с первыми седыми прядями. Она была ещё красивой, но уже не молодой. Тридцать пять лет в Цитадели сделали своё дело.

— Мам, ты меня звала?

Она обернулась. Улыбнулась. Но Акира видел — она улыбается не потому что рада. Она улыбается, чтобы он не видел, что она устала.

— Садись, сын.

Он сел за стол. Она налила ему травяной чай — мята, ромашка, что-то ещё. Он не разбирался в травах. Рен как-то сказал, что Хикари знает больше трав, чем все целители Цитадели вместе взятые. Она научилась этому в Сломанных землях. Оттуда же — её шрамы. Она никогда не говорила о них.

— Ты плохо спал, — сказала она.

— Нормально спал.

— Не ври. У тебя круги под глазами. Я вижу.

Он отпил чай. Горячий, чуть горьковатый. Согревал из-

нутри.

— Мне снится один и тот же сон. Темнота. Решётка. Кто-то смотрит на меня.

Хикари замерла. Её рука дрогнула, когда она ставила чайник.

— Что ты видишь за решёткой?

— Не знаю. Глаза. Один глаз. Тёмный, почти чёрный. Он не злой. Просто... пустой. Он смотрит на меня, и я чувствую, что должен что-то сделать. Но я не знаю что.

Хикари молчала. Слишком долго. Акира заметил, как она сжала пальцы в кулак.

— Мам?

— Всё в порядке, сын. Просто... ты слишком много переживаешь. Ты Равный. Это нелегко.

— Ты думаешь, я боюсь?

— Нет, — она подняла на него глаза. — Ты не боишься. Ты просто... ищешь то, что потерял, ещё до того, как узнал, что это такое.

Он не понял, что она имела в виду. Но не стал спрашивать.

После завтрака Акира пошёл на тренировку.

Тренировочный зал находился в храме, на третьем уровне. Потолки высокие, стены из полированного металла, который отражал свет. Пол — шершавый, чтобы не скользить. На стенах висели артефактные щиты и тренировочное оружие.

Инструктор был старым — седой, с обожжённым лицом.

Он служил в Ордене ещё до того, как Акира родился. Звали его Шеол.

— Равный, — сказал он, не оборачиваясь. — Опоздал.

— Я не опоздал. Вы пришли раньше.

— Я всегда раньше. Снимай куртку.

Акира снял верхнюю одежду и встал по центру зала.

Шеол подошёл к нему, обошёл кругом, как ценный товар. Его глаза скользнули по рукам Акиры, по плечам, по спине.

— Ты напряжён. Когда ты напряжён — Свет идёт рывками. Это можно использовать, но ты не должен давать врагу увидеть, что ты колеблешься.

— Я не колеблюсь.

— Конечно, не колеблешься. Ты просто стоишь и думаешь о чём-то постороннем.

Шеол вытащил длинную палку — деревянную, без всяких артефактов. Похлопал ею по ладони.

— Держи.

— Что это?

— Оружие. Свет можно направлять через любой предмет. Ты должен научиться делать это инстинктивно.

Акира взял палку. Она была тяжёлой — не из-за материала, а из-за того, что Шеол вложил в неё свой собственный Свет. Старик мог делать это даже без артефактов. Он был слабым, но он умел.

— Атакуй, — сказал Шеол.

Акира шагнул вперёд. Вложил Свет в палку — золотое

свечение побежало по дереву. Ударил. Шеол ушёл в сторону — плавно, будто не двигался, а просто оказался в другом месте.

— Медленно.

Акира ударил снова. Шеол перехватил его руку, выкрутил, и Акира упал на колени.

— Ты думаешь, что Свет — это сила, — сказал Шеол. — Он — терпение. Ты должен ждать, пока враг ошибётся. Не бросаться вперёд, как ослеплённый зверь.

— Вы хотите, чтобы я был терпеливым?

— Я хочу, чтобы ты был живым, идиот.

Шеол отпустил его и отошёл.

— Сегодня будем работать над концентрацией. Сядь.

Акира сел. Закрыв глаза. Шеол ходил вокруг него, разговаривая.

— Равные — редкие создания. Ты — один из двух. Может быть, ты встретишь второго. Может быть, нет. Но ты должен быть готов к тому, что он будет врагом. Даже если он похож на тебя. Даже если он говорит на твоём языке. Даже если у него твоё лицо.

Акира открыл глаза.

— Почему он должен быть врагом?

— Потому что он — это Тьма. А ты — это Свет. Они не могут жить вместе. Если они встретятся — один умрёт. Или оба.

— Откуда вы знаете?

— Я видел, — сказал Шеол. — Я видел Равных до тебя. Они были... как близнецы. Только разные. Один был добрым. Другой — жестоким. Но никто не знал, где чья очередь. Иногда Свет был жестоким, а Тьма — доброй.

— Тогда зачем их убивать?

Шеол остановился. Посмотрел на Акиру.

— Ты слишком много думаешь. На твоём месте я бы думал меньше.

— А на вашем месте — думали бы больше?

Шеол усмехнулся. Это была странная усмешка — почти тёплая.

— Вставай. Ещё раз.

Акира встал. Сжал палку. Шеол кивнул.

— Сегодня ты попробуешь ударить меня. Настоящим Светом. Без сдерживания.

— Вы с ума сошли.

— Я слишком стар, чтобы бояться. Ударь, или я разочаруюсь в тебе.

Акира сжал зубы. Вдохнул. Выдохнул. Свет в груди вспыхнул, как огонь, который долго сдерживали.

Он ударил.

Шеол рухнул на пол. Палка вылетела из его рук, он закашлялся и не мог подняться несколько секунд. Акира подбежал, опустился на колени рядом с ним.

— Я же говорил вам! Я не хотел!

— Молчи, — Шеол кашлянул. — Ты ударил. Сильно. Это

хорошо. Значит, ты способен.

— Но я чуть не убил вас.

— Не чуть, — Шеол усмехнулся, поднимаясь с помощью Акиры. — Чуть — это не убил. Ты сдерживался. Я знаю. Свет не горел так, как мог. Ты ещё не готов убивать.

— Я не хочу учиться убивать.

Шеол посмотрел на него долгим взглядом. Старым, уставшим.

— Ты хочешь жить, Акира. А чтобы жить — иногда приходится убивать. Это правило Цитадели. И мира.

Они вышли из зала. В коридоре их ждал Рен — сидел на полу, что-то чинил маленькое. Какой-то артефакт, который он вытащил из старого дрона.

— Слышал, ты чуть не убил старика, — сказал он, не поднимая головы.

— Откуда ты знаешь?

— Я всегда рядом. Почти.

Акира сел рядом с ним.

— Ты видел когда-нибудь Равного Тьмы?

Рен поднял голову.

— Нет. И не хочу.

— Почему?

— Потому что я хочу жить, — Рен вернулся к своему занятию. — И потому что Тьма — это не магия. Это ненависть. А ненависть всегда побеждает.

— Неправда.

— Правда, — Рен не стал спорить. — Ты видел, как в Нижней чаше живут люди? Они ненавидят Орден. Они ненавидят старейшин. Они ненавидят друг друга. Эта ненависть не даёт им умереть. Она даёт им силу. Тьма — это просто сила, которую ты не контролируешь.

Акира посмотрел на свои руки. На них не было шрамов. Пока.

— А если она контролирует тебя?

— Тогда ты не Равный, — Рен усмехнулся. — Тогда ты просто мясо.

Вечером Акира сидел на подоконнике в своей комнате. Смотрел на храм. Свет из окон лился золотым потоком. Там молились жрецы. Там горел Вечный Свет.

Он открыл амулет, который носила Хикари. Не тот, который у него — тот был её. Он тайком взял его, когда она была на кухне. Рассматривал маленький кусок кристалла. Гладкий, тёплый на ощупь. На нём были вырезаны два слова: «Равные» и «Жди».

Он не знал, что это значит.

Он повертел амулет в руках и сжал его.

— Кого ждать? — спросил он пустой комнату. — Меня? Или кого-то ещё?

Амулет не ответил.

Акира уснул на подоконнике, сжимая его в руке.

ГЛАВА 2

Кураи проснулся от того, что кто-то тихо ругался матом в углу комнаты.

Он открыл глаз — единственный, который нормально видел. Второй, левый, почти ничего не различал со дня рождения. Повреждение, которое не заживало. Как и всё остальное.

— Я тебя слышу, — сказал он хрипло.

— Иди на хуй, — ответил голос. Женский.

Это была Рин. Она сидела в углу на корточках, пыталась починить старый артефактный нагреватель. Тот шипел, искрил и явно отказывался работать.

— Ещё раз так скажешь, и я тебя разбужу по-другому.

— Уже разбудила. Нагреватель сдох.

Он сел. Комната была маленькой — четыре шага от стены до стены. В одном углу — лежанка из тряпья, которую он делил с Рин. В другом — ворох артефактов, которые они собирали в Сломанных землях. На стенах — плесень. На полу — грязь. Запах сырости и старого металла.

Он потянулся. Хрустнули позвонки.

— Ты вообще спишь? — спросила Рин.

— Сплю.

— Врёшь. Ты сидел у стены и смотрел в одну точку полтора часа.

— Я медитировал.

— Ты, блять, медитировал. — Рин бросила нагреватель и повернулась к нему. — Ты просто паялся в стену, придурок. Я смотрела на тебя.

— Значит, ты тоже не спала.

— Я не сплю, когда ты не спишь. — Она сказала это так, будто это было очевидно. Как будто так было всегда. — Ты опять смотрел в Пустоту?

Кураи промолчал.

— Ну да, ну да, — она усмехнулась. — «Я медитировал». Ты чувствуешь её за километр. Ты её слышишь. Ты идёшь к ней, когда не спишь. Ты думаешь, я не замечаю?

— Замечаешь.

— Я всё замечаю, мудак. Я знаю тебя уже два года. Два года, Кураи. Это дольше, чем большинство людей живут, когда ты рядом.

Он не ответил.

Она встала и подошла к нему. Протянула руку. Он не взял.

— Ты мой единственный друг, — сказала она. — Иди сюда.

Он вздохнул и взял её за руку. Она потянула его вверх. Он встал.

— Вставай, одевайся. Сегодня у нас есть дело.

— Какое?

— Поесть. И найти артефакты. Или мы сдохнем с голоду.

Он усмехнулся. Это была почти улыбка.

— Ты всегда говоришь о еде.

— Потому что я хочу жить. В отличие от тебя.

Он надел куртку. Старую, рваную, с дырами на локтях. Рин тоже накинула плащ — чёрный, почти новый. Она недавно украла его у торговца. Он хотел возразить, но она сказала: «Твоя Тьма меня не согреет, а у меня денег нет». Он замолчал.

Они вышли из бункера. Сломанные земли встречали их серым небом, сухим ветром и тишиной.

Сломанные земли никогда не спали. Они просто замирали, как больной зверь, который ждёт момента, чтобы проснуться.

Днём здесь было мертво. Ветер гнал серую пыль. Иногда — обломки костей. Иногда — старые листы металла, которые когда-то были крышами домов. Ночью просыпались те, кто не мог вернуться в Цитадель. Беглые. Контрабандисты. Отчаявшиеся. Те, кому было нечего терять. Или те, кто потерял всё.

Кураи шёл первым. Он всегда шёл первым. Он чувствовал Пустоту за километр — напряжение в воздухе, как перед грозой. Если земля начинала дрожать, он чувствовал её через подошвы сапог. Если впереди была Пучино — место, где земля уже превращалась в небытие, — он слышал тихий звон, как от разбитого стекла.

Он остановился.

— Что? — спросила Рин, пригибаясь.

— Тише.

Он поднял руку. Впереди, метрах в ста, что-то двигалось. Не Пустота — пустота не двигалась. Она просто была. Что-то живое. Или почти живое.

Кураи прищурился.

— Разведчики Ордена. Двое. Идут с востока.

— Нам их обойти?

— Надо.

Он сделал шаг в сторону, за обломок стены. Рин — за ним. Они ждали. Двое солдат прошли в десяти метрах, не заметив их. Они говорили о чём-то — о караванах, о наградах, о каком-то Равном, который сбежал из Цитадели.

Кураи замер, услышав это слово.

— Равный? — прошептала Рин.

— Не знаю.

— Ты думаешь, это тот, кого ищут?

— Возможно.

Он сжал кулак. Тьма внутри отозвалась — короткий толчок в груди, как удар сердца. Он не хотел её вызывать. Она иногда приходила сама.

Солдаты ушли. Кураи выдохнул.

— Идём.

Они двинулись дальше.

К вечеру они добрались до руин старого города. Когда-то здесь жили тысячи людей. Теперь — только ветер и обломки. Кураи знал это место. Он бывал здесь раньше, с отцом.

Отец.

Мысль о нём ударила резко и больно. Он не вспоминал его каждый день. Но когда вспоминал — внутри становилось пусто. Или не пусто. Там был холод, в котором можно было утонуть.

— Ты чего застыл? — спросила Рин.

— Ничего.

— Не ври.

Он развернулся и пошёл вперёд. Она не стала его догонять. Просто шла за ним, как всегда. Соблюдая дистанцию, которая позволяла ей видеть его и не мешать.

Они нашли укрытие в полуразрушенном здании. Рин развела огонь. Он сел в углу, вытащил нож и начал точить его. Тусклое лезвие, которое он не выпускал из рук уже много лет.

— Зачем ты это делаешь? — спросила Рин, глядя на него через огонь.

— Что?

— Сидишь и молчишь. Как будто тебя здесь нет.

— Я здесь, — он поднял глаза. — Я всегда здесь.

— Ты здесь физически, — она усмехнулась. — Но внутри — ты на границе. Смотришь в неё. Дышишь ей. Ты думаешь, я не знаю?

Он промолчал.

— Я знаю, — продолжила она. — Я вижу, как ты смотришь в ночное небо. Там же нет звёзд, Кураи. Только серое

мареву. Пустота дышит. И ты дышишь с ней. Ты — кусок Тьмы, прикинувшийся человеком.

Он поднял голову и посмотрел на неё.

— А если я — кусок человека, прикинувшийся Тьмой?

Она замерла.

Он никогда не говорил так. Никогда не давал ей понять, что внутри него есть что-то, кроме Пустоты.

— Тогда, — сказала она медленно, — ты должен показать это. Хотя бы иногда. Чтобы я знала, что жду не того, кто уйдёт.

Он не ответил.

Но нож опустил.

Ночью он не спал. Он стоял у входа в укрытие, смотрел в темноту.

Пустота была близко. Он чувствовал её — как старую боль, которая возвращается. Она не была злой. Она просто была. Она ждала.

— Ты не ответил мне, — раздался голос Рин за спиной.

— Я не знаю ответа.

— Это не ответ.

Она подошла вплотную и встала рядом. Он чувствовал её тепло — единственное живое в этом мире.

— Когда-нибудь я уйду, — сказал он.

— Я знаю.

— Не в Цитадель. На Грань. Может, за неё.

— Я знаю.

— И ты тоже уйдёшь.

— Я умру раньше, — сказала она. — Или пойду за тобой.

Ты сам решай, что хуже.

Он повернулся к ней. Его глаза были тёмными, почти чёрными. Она не боялась их. Никогда не боялась.

— Ты дура.

— Я знаю, — она улыбнулась. — Но я здесь. Пока ты здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.